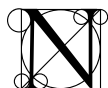

Даниэла
Тим

Счастье

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК821.111-31(73)
ББК84(7Coe)-44
С80

Серия «Даниэла»

Danielle Steel
DADDY

Перевод с английского *Г. Г. Лепилина*

Перевод стихов *Т. К. Лепилиной*

Компьютерный дизайн *А. А. Кудрявцева, А. Б. Ткаченко*
Студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Morton L. Janklow Associates и Prava I Prevodi International
Literary Agency.

Стил, Даниэла.

С80 Счастье : [роман] / Даниэла Стил ; [пер. с англ.
Г. Г. Лепилина]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. —
352 с. — (Даниэла).

ISBN 978-5-17-094929-8

Оливер Ватсон, оставшийся после развода с тремя детьми на руках, не был склонен доверять женщинам. Окунувшись в семейные проблемы, он и думать забыл о любви. Однако судьба послала Оливеру совершенно неожиданную встречу с красавицей актрисой Шарлоттой Сэмпсон, женщиной, за блестящим успехом которой скрывалась жажда любить и быть любимой...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-094929-8

© Danielle Steel, 1989
© Перевод. Г. Г. Лепилин, 1993
© Перевод стихов. Т. К. Лепилина, 1993
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ДЭДДИ*

Любовь отца — как важно детям!
Их взгляд лучист и чист,
Он полон веры,
Любви без меры:
Ведь он такой большой и сильный,
Такой родной,
Всегда желанный и любимый.
В их маленьких сердцах
Он — солнце в небесах.
Они — его любовь,
Его и плоть, и кровь.
А как его рука надежна и крепка,
И как сильна, и как верна.
И сам он так красив,
Так бескорыстен, терпелив.
Любовь его чиста и безупречна,
Как солнца луч, ласкает их сердца.
Он сказки оживляет,
С улыбкой приглашает
В волшебный звездолет.
Какое счастье, дети,
Что дэдди есть на свете!**

* Дэдди — папа (*англ.*).

** Перевод Т. К. Лепилиной.

Глава 1

Снег валил большими белыми хлопьями — прямо как на иллюстрациях к сказкам, которые Сара порой читала своим детям. Она сидела за пишущей машинкой и смотрела в окно на снег, укывший лужайку и одевший в белое кружево деревья. Она совершенно забыла про рассказ, за который принялась с утра. За окном все было так живописно, так прелестно. Зимняя сказка — сказочная жизнь в сказочном городке. И люди, окружавшие Сару, тоже были не всамделишными. Ей всегда хотелось отличаться от них, но все-таки это случилось, причем довольно давно. Сара Мак-Кормик — бунтарская натура, в студенческие годы заместитель главного редактора журнала «Кримсон», окончившая Редклиффский колледж в 1969 году с отличием и с сознанием своей исключительности, — уподобилась своему окружению. Произошло это как-то незаметно, постепенно, на это превращение ушло двадцать лет. И вот теперь она Сара Ватсон. Супруга Оливера Венделла Ватсона. Живет в Перчесе, штат Нью-Йорк, в красивом доме, который вот-вот станет их собственным после четырнадцатилетней выплаты кредита. У нее трое детей и собака. Раньше был и хомяк, но он умер год назад. Еще есть любимый муж — милый, дорогой Олли.

Он окончил Гарвардскую школу бизнеса в том же году, что она Редклифф, а полюбили они друг друга, когда Сара училась на втором курсе. Олли был ее полной противоположностью. В те счастливые годы он был консервативен, она — сумасбродна. Он считал оправданной вьетнамскую войну, и одно время Сара ненавидела его за это. Она даже перестала встречаться с ним после выпуска, мотивируя это слишком большой несхожестью характеров. Сама же поселилась в Сохо, попробовала писать и, надо сказать, преуспела в этом. Ее дважды печатали в «Атлантик Масли» и один раз в святая святых — «Нью-Йоркере». Она была талантлива и знала это. Оливер жил в Ист-Энде, на 79-й улице, снимал квартиру вместе с двумя приятелями и, имея степень магистра по специальности «менеджер», смог получить весьма неплохую работу в рекламном агентстве на Мэдисон-авеню. Сара хотела возненавидеть его за конформизм, но так и не смогла. Еще тогда она понимала, как сильно любит его.

Олли говорил, что хотел бы жить за городом, иметь ирландского сеттера, четверых детей и жену, которая бы не работала, Сара же только смеялась над ним. А Олли в ответ улыбался своей неподражаемой мальчишеской улыбкой, которая заставляла ее сердце колотиться, даже когда она пыталась убедить себя, что на самом деле мечтает о мужчине с длинными-длинными волосами... художнике... скульпторе... писателе... короче, «творческой личности».

Оливер, однако, тоже был человеком творческим и умным. Он окончил с отличием Гарвард, и настроения шестидесятых годов никогда его не трогали. Когда Сара принимала участие в демонстрациях, он выуживал ее из полицейского участка; когда она спорила с ним, а войдя в раж, даже обзывала, он спокойно и рассудительно объяснял ей свою позицию. И он был таким чертовски порядочным, таким добросердечным! Он был ее

лучшим другом, даже когда раздражал ее. Иногда они встречались в Виллидже или Аптауне, пили кофе или что-нибудь прохладительное или обедали. Олли рассказывал ей о своей работе и расспрашивал о том, что она пишет. Олли уважал талант Сары, но не понимал, почему, выйдя за него замуж, она не сможет оставаться «творческой личностью».

— Замужество — это для женщин, которым нужна поддержка. А я хочу сама о себе заботиться, Оливер Ватсон, — говаривала она и старалась этому следовать. Она работала дежурной в галерее в Сохо, а свободное время посвящала литературному труду. И имела от этого кое-какие гонорары. Иногда.

И вот теперь Сара частенько спрашивала себя, смогла бы она позаботиться о себе сама: зарабатывать на жизнь, заполнять собственные налоговые квитанции и следить, чтобы срок медицинской страховки не истек. За восемнадцать лет их совместной жизни она стала очень зависимой от Оливера. Он брал на себя все мелкие проблемы в ее жизни и большинство крупных. Это было похоже на жизнь в герметично закрытом мире, где на помощь всегда был готов прийти Олли.

Сара полагалась на него во всем, и чаще всего это ее больно задевало. А вдруг с ним что-нибудь случится? Справилась бы она сама? Смогла бы содержать дом, себя и детей? Иногда она пыталась говорить об этом с Олли, но тот только смеялся и говорил, что ей никогда не придется беспокоиться. Он не нажил состояния, но зарабатывал хорошо и обладал чувством ответственности. Он застраховал свою жизнь во многих компаниях. Мэдисон-авеню была к нему благосклонна, и в сорок четыре года он стал третьим лицом в «Хинкли, Берроуз энд Доусон» — одном из крупнейших рекламных агентств в стране. В фирме его ценили и уважали. Олли был одним из самых молодых вице-президентов в этом бизнесе, и жена им гордилась.

Но все равно Саре было обидно. Обидно оттого, что она сидит в этом милом маленьком Перчесе, глядит на падающий снег и ждет возвращения из школы детей, а сама собиралась ведь писать рассказ... рассказ, который никогда не будет написан, который никогда не будет иметь конца, который она никуда не пошлет, как и другие рассказы, которые пыталась написать в течение последних двух лет.

Сара решила снова взяться за перо в канун своего тридцатидевятилетия. Для нее это было важное решение. Встречать тридцать девятый год своей жизни было особенно тяжело, хуже, чем сорок. Сорок лет — это, по ее словам, судный день. Впрочем, Оливер по случаю сорокалетия увез ее на месяц в Европу. Двое детей были в лагере, а свекровь взяла к себе Сэма. Ему тогда было только семь, и Сара впервые оставила его. Попав в Париж, она почувствовала себя на седьмом небе... Ни детей, ни собак, ни родительского комитета, ни благотворительных обедов для школ и местных больниц... никого... ничего... только они вдвоем и четыре незабываемые недели в Европе. Париж... Рим... поездка на машине по Тоскании, краткая остановка на итальянской Ривьере, а потом несколько дней плавания на арендованном катере между Каннами и Сен-Тропе... Затем опять на машине в Эз и Сен-Поль-де-Ванс, обед в Коломб-д'Ор и, наконец, несколько ветреных дней в Лондоне. Во время поездки Сара постоянно вела дневник и исписала семь записных книжек. Но когда вернулась домой... ноль. Ни одна из записей не вылилась в рассказы, статьи или даже стихи. Она просто сидела, уставившись в чистый лист бумаги, которому, кажется, никогда не суждено было заполниться. И теперь, полтора года спустя, все было так же. В сорок один год ей казалось, что вся ее жизнь позади. А Оливер, когда Сара это говорила, всегда только смеялся:

— Господи, Сарри... ты ничуть не изменилась с тех пор, как я с тобой познакомился.

Он это говорил серьезно. И это была правда, почти правда. Ей самой и тем, кто оценивал ее более критично, была очевидна разница. Некогда блестящие каштановые волосы, которые в молодости спадали ей на спину отливавшими медью потоками, теперь поблекли. Они спускались ей до плеч, седина уже не была редкостью, что более огорчало детей, чем саму Сару. Прозительно-синие глаза не потеряли своей прелести, как и матово-белая кожа. Морщин, этих следов времени, было ничтожно мало, впрочем, Оливер говорил, что они лишь придают большую выразительность ее лицу..

Сара была привлекательной женщиной и девушкой когда-то тоже была привлекательной: высокой и стройной, с хорошей фигурой, красивыми руками, с чувством юмора, которым искрились ее глаза. Именно это в первую очередь понравилось в ней Оливеру — ее смешливость, заводной характер, смелость, а еще непреклонная вера в правоту своих убеждений. Когда она была молода, некоторые считали ее характер трудным. Но Олли никогда так не думал. Ему нравился образ ее мыслей, ее рассуждения, манера говорить. Их отношения строились на взаимном уважении и любви, да и в постели все у них складывалось очень хорошо. Так было всегда, и теперь тоже. Иногда ей даже казалось, что по прошествии двадцати лет в этом плане стало лучше. И пожалуй, это было действительно так. Они великолепно знали друг друга, поэтому каждая ласка была словно поглаживание дорогой реликвии из красного дерева, обточенной тысячекратными прикосновениями, полными нежности и заботы.

Оливеру потребовалось ровно два года, чтобы убедить Сару выйти за него замуж. Так в двадцать три она стала Сарой Ватсон. Из-за строптивости, в духе тогдаш-

ней моды, она отказалась от традиционной свадьбы. Бракосочетание состоялось в саду дома его родителей в Паунд-Ридже, куда из Чикаго приехали ее родители и младшая сестра. На Саре было ярко-красное платье и большая шляпа, что делало ее более похожей на барышню с полотна живописца девятнадцатого века, чем на невесту, но оба были счастливы. Медовый месяц они провели на Бермудах, где им катастрофически не повезло с погодой, однако молодые ее не замечали. Они смеялись, дурачились, валялись в постели чуть ли не до вечера; выходили лишь позавтракать в гостиничном буфете, а потом опять убегали к себе в комнату, хохоча словно дети.

Прошло три недели, и Саре стало уже не так весело. Они жили в маленькой квартирке на Второй авеню, в доме, который был населен стюардессами, молодыми бизнесменами и холостяками. Вся эта бесшабашная публика без конца устраивала вечеринки.

Как-то Олли пришел с работы и застал жену такой печальной, словно скончалась ее лучшая подруга. Но дело было в другом. Сару озадачило отсутствие месячных после возвращения с Бермуд. Она добросовестно пользовалась резиновым колпачком практически все время с момента свадьбы и была уверена, что не забеременеет. Но данное средство почему-то не сработало, она оказалась в положении. Сара хотела сделать аборт. Оливер был в ужасе от одной только мысли об этом. Но ее еще более ужасала перспектива так скоро стать матерью.

— Мы же еще не собирались обзаводиться детьми... Я хочу снова работать...

Она в тот момент предполагала устроиться редактором в литературный журнал, рассказы ее особым спросом не пользовались, кроме того, Сара подала заявление в аспирантуру Колумбийского университета. Выйдя

замуж за Олли, она бросила работу в галерее, поскольку ежедневно ездить в Сохо было неудобно.

— Работа никуда не убежит! — заявлял Олли, обсуждая с Сарой эту проблему. Он успокаивал, убеждал, делал все, что мог, чтобы она перестала огорчаться.

Но Сара была безутешна, и каждый вечер по пути домой его охватывал страх: а что, если... если, пока он был на работе, она сделала аборт. Однако этого не случилось. У Сары не нашлось на такой поступок ни физических, ни моральных сил. Она только постоянно расхаживала по квартире, мучаясь вопросом, как можно было такое допустить. Оливера ее настроение удручало. Он всегда хотел иметь четверых детей, даже если бы это создало напряженность для семейного бюджета. Но Олли надеялся на себя. Дела его шли хорошо, он быстро продвигался в фирме, но даже если бы им пришлось голодать, он бы не разрешил Саре сделать аборт. Просто бы не разрешил. Это был их ребенок. Их. И задолго до его рождения Олли его любил.

Бенджамин Ватсон появился на свет с копной ярко-рыжих волосиков на головке и выражением изумления в светлых глазенках. Это произошло ровно через девять месяцев и три дня после их свадьбы. Казалось, ему не терпится поскорее узнать мир, он много плакал и, к радости Оливера, мечтавшего иметь сына, был очень похож на свою маму. Бенджамин рос как тополек и проявлял не только внешнее сходство с Сарой. У него обнаруживались ее решительность, упорство, ее неуемный темперамент. Бывали дни, когда Сара думала, что удушит свое дитя, прежде чем Оливер вернется с работы и успокоит обоих. Как только появлялся отец, малыш сиял от счастья, смеялся, лопотал. Оливер брал его на руки и носил по дому, в то время как Сара со вздохом облегчения и бокалом вина в руке опускалась в кресло, задавая себе вопрос, как все это пережить. Ма-

теринство явно не было ее призванием, да еще квартира такая маленькая — ну просто с ума сойти можно. В плохую погоду, что часто случалось в тот год, они вообще не выходили, от криков малыша сотрясались стены, и Сара думала, что не выдержит, потеряет рассудок. Оливер хотел бы поселиться с семьей за городом, в собственном доме, но пока это была мечта далекого будущего, они не могли себе этого позволить. Сара предлагала пойти работать, но когда делали прикидки, оказывалось, что это не имеет смысла, потому что вся ее зарплата уходила бы на оплату няньки и денег бы не прибавилось. Лично для Сары этот выход на работу означал отдых от домашних забот, но Оливер считал, что ей важнее быть с ребенком.

— Странно ты рассуждаешь, Ол. Ты что, хочешь, чтобы я тут целыми днями сидела, разговаривала сама с собой и слушала, как он орет?

Временами ей действительно казалось, что она это не вынесет, и перспектива иметь четверых детей, о которых Олли по-прежнему мечтал, приводила ее в отчаяние.

От ее родителей помощи ждать не приходилось. Они жили в Чикаго. Его родители и хотели бы помочь, но дальше добрых намерений это не шло. Олли был единственным ребенком, и его мать, судя по всему, забыла, как с маленькими детьми трудно. Бенджамин явно нервировал ее, но Сару он нервировал куда больше.

В конце концов малыш подрос и стал спокойнее и, когда начал ходить, уже не повергал Сару в прежний ужас. На лето они сняли дом на Лонг-Айленде, в следующем году можно было бы отдать ребенка в садик... Еще год — она будет посвободнее и тогда снова сможет писать. Сара отказалась от идеи постоянной работы. Она решила написать роман.

Все стало налаживаться, но она слегла с тяжелейшим

гриппом, да таким, что, проболев месяц, чувствовала себя при смерти. Никогда в жизни она так не болела. Температура не проходила, кашель напоминал туберкулезный и душил ее с утра до вечера до тошноты. В конце концов, провоевав с болезнью четыре недели, Сара решила разориться и сходить к врачу. Оказалось, что у нее действительно грипп, но не только. Она ждала следующего ребенка. На этот раз не было злости, ярости, приступа бешенства, были просто отчаяние и плач, который, как казалось Оливеру, никогда не кончится. Она не могла отнестись к этому спокойно, не могла еще раз пройти через это. Она не могла бы растить еще одного ребенка. Бенджамин не успел вырасти из пеленок, а тут еще один. Тогда Сара единственный раз видела, что и Оливер по-настоящему приуныл. Он не знал, что делать, чем утешить ее. И, как в первый раз, боялся за ребенка, но Сара только сильнее плакала, когда слышала об этом.

— Я не могу.. Я просто не могу, Олли... пожалуйста, не заставляй меня...

Они снова спорили по поводу аборта, и однажды Сара почти убедила мужа, утверждая, что если он не согласится, то она может сойти с ума. Но все-таки он отговорил ее. В середине срока беременности Сары Олли получил прибавку к зарплате, которую целиком потратил на няню для Бенджамина. Она приходила к ним три раза в неделю после обеда. Это была ирландка из многодетной семьи. Сара смогла выходить, посещать библиотеки, друзей, галереи и музеи. Настроение у нее улучшилось. Ей даже стало нравиться быть с Бенджамином, и раз или два она взяла его с собой в музей. Оливер знал, что, хотя она и не признавалась в этом, второй ребенок становился для нее желанным.

Мелисса родилась, когда Бенджамину исполнилось два года, и Оливер начинал серьезно думать о переезде

с семьей в загородный дом. Они смотрели дома в Коннектикуте почти каждый уик-энд и в итоге убедились, что просто не могут этого себе позволить. Тогда они попытались счастья на Лонг-Айленде, в Вестчестере — казалось, что этим поездкам не будет конца. Паунд-Ридж, Бронксвилл, Катона, и, наконец, год спустя они нашли именно то, что хотели, в Перчесе. Это был старый фермерский дом, в котором никто не жил на протяжении двадцати лет и в который требовалось вложить уйму труда. Дом был частью имения и достался им за бесценок. «Бесценнок» все же влетел им в копеечку, но они сами сделали ремонт и за год превратили его в очень милое жилище, чем оба гордились.

— Но это не значит, что я намерена и дальше рожать детей, Оливер Ватсон, — твердила Сара.

Для нее достаточной жертвой было уже то, что она жила в пригороде. До замужества Сара давала себе слово, что никогда на это не согласится. Но даже она признала такую жизнь более разумной. Квартира на Второй авеню стала просто невыносимой, а те дома, что им приходилось видеть в городе, казались крошечными и непомерно дорогими. Здесь же дети имели свои комнаты. В доме были большая уютная гостиная с камином, библиотека с хорошим собранием книг, уютная кухня с двумя стенами из кирпича, массивными потолочными балками и старинной печью, которая по настоянию Сары была сохранена и отреставрирована. Огромные окна выходили в сад. Сара могла готовить и одновременно наблюдать, как играют дети. Переехав в деревню, они из экономии отказались от помощи девушки-ирландки.

Бенджамину тогда исполнилось три, и каждое утро его отвозили в детский сад, через два года стала посещать садик и Мелисса, и Сара решила, что теперь-то вернется к литературе. Но времени на это как-то не хватало. Всегда находились дела. Она безвозмездно

помогала в местной больнице, раз в неделю в школе, выполняла всякие поручения, возила детей в школу и обратно, убирала в доме, гладила рубашки мужа и работала в саду. Все это шло вразрез с ее натурой, но, как ни странно, она ничего не имела против.

Когда они уехали из Нью-Йорка, Саре казалось, что она оставила там какую-то часть себя, часть, которая все еще сражалась с замужеством и материнством. Она вдруг почувствовала себя частью окружавшего ее спокойного маленького мирка. Сара встречалась с другими мамашами, своими ровесницами, в уик-энды в компании других супружеских пар они с Олли играли в теннис и бридж, в больнице и школе от миссис Ватсон ждали все новой помощи, и сопротивление, борьба были почти забыты. А с ними и писательство. Сара даже по нему не скучала. Все ее желания свелись к тому, что она имела: к счастливой, полной забот семейной жизни.

Крикливое младенчество Бенджамина постепенно стиралось из памяти, он становился очаровательным ребенком, не только внешне похожим на нее, но и, судя по всему, перенявшим ее интересы, увлечения, достоинства и недостатки. Он, как маленькая губка, впитывал от Сары все и во многом становился ее копией. Оливер это замечал и посмеивался, а Сара в душе гордилась и радовалась, что Бенджамин так на нее похож.

Мелисса тоже была прелестным ребенком, но гораздо более покладистым, чем Бенджамин в ее возрасте. Улыбчивостью и оптимизмом она сильно напоминала отца. К тому же не требовала многого от родителей. Книжка, кукла и мама рядом — вот что ей нужно было для счастья. Иногда Сара даже забывала, что дочь находится в соседней комнате. Как и у Оливера, у Мелиссы были светлые волосы и зеленые глаза, но внешнее сходство с отцом этим ограничивалось. На самом деле она была больше похожа на свою бабушку, мать Оливера,